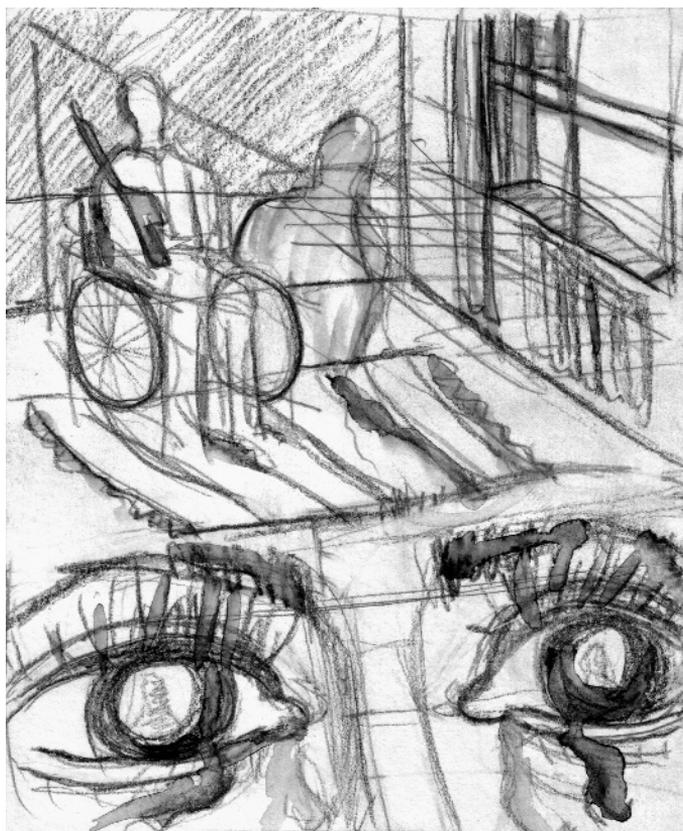


Татьяна Апраксина

Государственная тайна



Последний инструктаж проводит сам Майор.

Я неуклюже топчусь перед столом, поправляю то челку, то воротник рубашки и стараюсь не смотреть на Майора обожающим взглядом. Получается, думаю, плохо. Ему под тридцать, хотя коротко состриженные волосы совершенно седые, лицо покрыто темным нездешним загаром, и на этом фоне особенно ярко смотрятся голубые глаза. Девичья мечта. Наверное, именно поэтому его и поставили руководить нашим сектором Программы. Ведь в стажерах у нас одни девчонки.

Вместо того, чтобы слушать последний загруз, вспоминаю всякие глупости — как Майор проводил у нас занятие по самообороне и, держа меня

за плечо, приговаривал: «Ну, представь, что я насильник, хочу тебя изнасиловать, сопротивляйся!..», — а я смотрела на него снизу вверх, и сопротивляться мне не хотелось. Категорически.

Девчонки потом долго хихикали. Им тоже не хотелось.

— ...помните, Еночка, что Программу оплачивают риттарайн, а потому все должно быть безупречно. Безупречно! — патетически воздевает он указательный палец. — На вас возложена огромная ответственность!

Майор заканчивает начальственную часть и переходит к лирической.

— Вы умница, Еночка, а опыт приходит со временем. Вы, конечно же, со всем справитесь. У вас прекрасная подготовка. Помните — любовь и сострадание, вот что нужно, чтобы победить ненависть, — и мастерски снижает интонацию, отводит взгляд в сторону. — Я знаю по себе... я сам был там...

Мы сотню раз уже слышали, что «Майор был там», но каждый раз сердце перехватывает шемящей жалостью, и хочется протянуть руку, прикоснуться ладонью к колючему ежику волос на затылке, успокоить, утешить. Майор — великолепный психолог.

Я киваю — а что тут скажешь?

— В некоторых кругах считают, что ветеранов нужно изолировать. Что они опасны, могут сорвать взаимодействие с риттарайн, — Майор ухитряется одними уголками губ выразить крайнее омерзение. — Мы с вами должны доказать обратное.

Выходя из кабинета, я вспоминаю адрес и основные сведения о своем будущем подопечном. Ехать недалеко, но нам оплачивают такси. Подставляю лицо под струи холодного воздуха из кондиционера, проговариваю про себя текст простенького аутотренинга: «У меня все получится, я со всем справлюсь. У меня все получится...»

Четвертый этаж, дом без лифта. Новая железная дверь без обивки. Звоню.

Мой подопечный открывает не сразу, и я успеваю преисполниться надежды, что его нет дома. Я боюсь первого выхода на задание, и мне хотелось бы отложить его — на вечер, на завтра. Но дверь все же открывается.

Я замираю на пороге, смотрю на него. Он меня пугает. Выглядит гораздо страшнее, чем на фотографиях и в видеоролике, который мне показывали. Лицо изуродовано ожогами, сообщили мне. Это ужасно. Неестественно розовая кожа натянута туго, как шкурка на спелом помидоре, и блестит. Из глубины этой одутловатой маски смотрят маленькие глазки, воспаленные веки — без ресниц. Голый череп шелушится.

Он тоже смотрит в упор, пристально, и я отвожу взгляд. Ненавижу, когда меня разглядывают. Всех дел — нарушение пигментации на добрую треть лица. Белая кожа на лбу, части века, правой щеке. Словно на младенца плеснули перекисью водорода. Ерунда по сравнению с тем, что с лицом у парня. Но мне — клеймо на всю жизнь.

Подопечного мне выбирал Майор. Вот сука, думаю я, начиная неловко улыбаться.

— Вы — Ладимир? Ена Луцкая, сотрудник программы «Победить ненависть». Мы договаривались о встрече на сегодня... вот... я пришла, — я чувствую, что начинаю сбиваться на детский лепет, и смущаюсь еще больше.

— Проходи, раз пришла, — бурчит он. Чувствуется, что говорить ему трудно — неразличимые, розовые на розовом, губы едва двигаются из-за напряженной кожи.

Ходит он тоже с трудом, опираясь на палку. На нем камуфляжные штаны и тельняшка. В вырезе видно, что ожоги переходят на спину и грудь. Пятнадцать операций, вспоминаю я. Однозначный успех, оптимистичный прогноз. Интересно, что тогда считать неудачей? Впрочем, в прошлом году он из инвалидного кресла не вставал.

Я много знаю о нем.

Мы сидим на кухне и пьем чай. Я все еще разглядываю клиента. Он старше меня всего на два года. Но парень не смотрится на двадцать три. Когда он встает, чтобы достать сахар, кажется, что ему под сорок. Движения тяжелы и неуклюжи. В кухне пахнет лекарствами. В целом чистенько — видимо, кто-то убирается.

Ладимир допивает чай, отодвигает кружку. Я смотрю в свою. На дне полощутся чайники. Раз, два, три... одиннадцать крупных чайнок. Очень не хочется поднимать взгляд от чайнок. Смотреть на подопечного тяжело до тошноты. Не помогает никакая подготовка.

— Ну что, так сидеть и будем? — вдруг говорит он, и я теряюсь окончательно.

Адя или Вета давно бы уже нашли тридцать три темы для беседы, заболтали, закружили бы подопечного в вихре болтовни, понемножку вывели бы на откровенность, на нужные ответы. Я же вдруг растеряла все слова и мысли...

— Давайте просто поговорим? — предлагаю я.

— О чем?

Повисает долгая, мучительная для меня пауза, во время которой все теоретические сведения разбиваются о явное нежелание подопечного делать шаг навстречу. Боюсь, что вылечу я из Программы, за профнепригодность...

— Хотите, я расскажу о себе?

Он кивает, и я начинаю рассказывать. Вкратце рассказав о своей семье — мама — бухгалтер, младший брат — студент, отец умер, все обычно — перехожу к учебе и Программе. Ладимир оживает только, когда я проговариваюсь о Майоре. Оживает — громко сказано, просто расправляет плечи и приподнимает подбородок. Я рассказываю совсем немного — руководит Программой, военный, тоже был при Скове...

— Знаю я таких, сук штабных, — перебивает меня подопечный.

— Это еще почему? Вы же про него ничего не знаете! — вспыхиваю я, но стараюсь не терять контроль над ситуацией. Слово за слово, ниточка за ниточку... Все же меня хорошо выучили.

— Жив, сыт и нос в табаке — вот и ясно все! Нас они... такие... гнали... в спины стреляли... к этим тварям... — волнуясь, Ладимир начинает задыхаться, и я протягиваю руку, кладу ему на запястье. Он удивленно смотрит на меня. Но руку не убирает.

Глазу его сжатый кулак кончиками пальцев.

— Нет, он действительно воевал. Не волнуйтесь, пожалуйста. Вы ведь

понимаете, что никто не виноват. Наши власти запаниковали, риттарайн столкнулись с недвусмысленной угрозой и были вынуждены применить оружие. Теперь они стараются загладить не только свои, но и наши ошибки. Ведь вас же лечат за их счет, делают все, что могут... — заученные аргументы слетают с языка, как шелуха от семечек, но под взглядом Ладимира я осекаюсь.

Мне кажется, сейчас он даст мне пощечину.

Нет, он встает и ковыляет в комнату, приносит дешевенький альбом. Кладет на столик передо мной, подвигает табурет. Там фотографии — простенькие, глянцевого, десять на пятнадцать. Много фотографий. На них я вижу одного и того же парня от пятнадцати до девятнадцати. На последних снимках он в солдатской форме. Берет запроважен за погон, руки заложены за спину по стойке «смирно», но солдат явно дурачится. Светловолосый, очень симпатичный, с простоватым, но привлекающим внимание лицом. Сзади — силуэт монастыря. Дата на обороте — двадцать девятое мая одиннадцатого года. За три дня до Сковского инцидента.

Альбом потрепан — видимо, хозяин часто его просматривает.

Я не могу оторвать взгляда от последней фотографии.

— Это мы в увольнительной. Мороженого тогда наелись — порций по десять. Пива холодного выпили по кружечке. Мне ничего, а кореша мои в санчасть угодили с крутой ангиной. И целы остались, — говорит Ладимир. — Вот такие дела...

Он пытается улыбнуться.

Я стараюсь забыть неловкость, начинаю расспрашивать его о друзьях, которых вижу на фотографиях, о родителях. Час проходит в подобии беседы, но пару раз он даже улыбается, вспоминая какие-то школьные проделки. Есть контакт, отмечаю я. Договариваюсь о встрече на завтра, ухожу.

Такси привозит меня в наше здание, которое между собой мы зовем Штабом. Я сдаю ролик с аудиозаписью секретарше Майора, отправляюсь в комнату для релаксации. Хочется плакать. Здесь можно. Здесь никто не посмеется и не посмотрит с презрением. Обнимаю своего любимого лохматого зайца и валяюсь на мягком бежевом ковре. Вечером будет очередной тренинг, и мне придется обо всем рассказывать перед девчонками и ведущей — суровой теткой с погонами капитана. За замашки вампира ее прозвали «графиня Дракула». Графиня не успокоится, пока не выпьет всю кровь и не сгложет все нервы, задавая вопросы, понуждая выворачиваться наизнанку. Месяц назад она устроила мне шоу по поводу моих проблем с лицом. Требовала обрести внутреннее достоинство. И когда я, заливаясь слезами, попыталась выбежать в коридор, оказалось, что комната заперта. А Графиня продолжала говорить мне в спину, и я не могла не слышать ее прекрасно поставленного альта.

Но приходит Майор. Садится рядом на пол, расстегивает китель, кладет руку мне на плечо.

Я поворачиваю голову.

— Все было плохо?

— Да, Ена, если честно — далеко не то, на что ты способна. Но ты сумела взять себя в руки. Конец гораздо удачнее начала.

— Я... старалась. Но с ним так трудно...

— Попробуй представить себе, что это кто-то из дорогих тебе людей. Представь, скажем, лицо своего брата. Тебе будет легче на первых порах. А дальше ты привыкнешь.

— Угу, — вздыхаю я. — Попробую...

— Ена, ты должна постараться. Кое-где в верхах считают, что этот сегмент Программы нерентабелен. Нас могут закрыть, если мы не справимся.

Я киваю, молчу. Да, кое-какие слухи ходят уже давно. Не всем нравится выбрасывать деньги на ветер — на возню с инвалидами. Некоторые считают, что средства стоило бы пустить на очередной сектор оборонной промышленности. Или еще куда-нибудь, на пользу здоровым гражданам. Сволочи...

— Ты можешь ехать домой, — неожиданно говорит Майор после долгой паузы.

— А.. а тренинг?

— Пропустишь, не беда. Завтра сразу езьай к Владимиру, уже потом — сюда.

Солнышко, лапушка, умница Майор спас меня от цепких когтей Графини! Я моментально оживаю, подпрыгиваю, приземляюсь на полусогнутые ноги, делаю мах — и падаю физиономией в ковер: Майор, сидя, сумел подставить мне подножку.

— Не зевай, — смеется он, подавая мне руку. — Никогда нельзя зевать...

— Ну-у, я же вам доверяю!

— Доверять тоже надо внимательно...

На следующее утро я опять поднимаюсь по лестнице. Опять пристальные взгляды на пороге, неизбежное чаепитие. Но на этот раз на столе — пирожные. Владимир меня ждал. Болтовня течет как-то теплее, без вчерашней мучительной неловкости. Мне гораздо проще — я представляю себе, что это Майор. Да, изуродованный, разуверившийся во всем, обозленный — но Майор, за которого я готова вывернуться наизнанку. Он был прав — так легче.

Но вдруг, незаметно для меня, разговор опять становится напряженным. Потом обязательно нужно будет отслушать запись, отмечаю я для себя. Я не заметила, какая фраза вызвала такую реакцию. Непрофессионально.

— Ну и что ты делала в ту ночь? За столом сидела, пила и ела, веселилась?

Вопрос бьет под дых, я злюсь, чувствую, как кровь приливает к лицу. И не собираюсь сдерживаться. Незачем. У меня нет комплекса вины перед ветеранами Сковского инцидента!

— Тебе честно сказать? В эту ночь у меня умер отец. Инсульт. Мы ждали «Экстренную» час, и приехали какие-то студенты, и не успели ничего сделать. Потому что праздник! Вот так я веселилась!

Ладмир подается назад, качает головой, вздыхает.

— Ну, извини...

— Да пойми же ты, — нельзя упускать момент, если я его упущу, меня пинками нужно гнать из Программы. — Пойми, что нельзя ненавидеть

весь мир. Ты же знаешь, что министр защиты застрелился, когда узнал... А остальные — в тюрьме, пожизненно. Да кому еще повезло больше — им или тебе? Ты на свободе, ты жив, между прочим! — я ору на него, искренне и горячо, веря в каждое свое слово. — Тебя вылечат через пару лет! Все, кто виноват — наказаны, риттарайн на ушах стоят, чтобы вам помочь. Знаешь, сколько наша Программа стоит? А вы их тоже убивали. Чего ты еще хочешь?! Некрасивый, да? На меня полюбуйся! На меня и без ожогов парни не смотрят — так я же не начинаю ненавидеть всю страну?

Ладимир ошеломленно мотает головой, словно пытаюсь вытряхнуть из ушей мой последний особенно громкий вопль, но в глазах появляется какой-то вопрос или идея.

Чего мне и требовалось.

Я сама наливаю нам еще по кружке чаю, сыплю ему сахар — две ложечки с горкой, как он обычно пьет. Отпиваю горячую жидкость. Завтра нужно принести хорошей заварки, из нашего супермаркета. Ладимир дует на чай в ложечке, пробует, кивает.

Да, в ночь Сковского инцидента мне и матери было наплевать на все. Если бы корабль риттарайн уселся не под Сковом, а прямо на площади нашего городка, меня волновало бы одно — не загородит ли он дорогу «Экстренной». Только под утро мы включили телевизор. Слова о «враждебной вылазке инопланетного противника» и прочие трескучие штампы, которыми тогда сыпали дикторы, отскакивали от сознания. Инопланетный корабль, боевые действия в зоне высадки — казалось, что мы с матерью спятили от горя и бессонной ночи. Потом это стало реальностью — и пришло время ужасаться. Пять с лишним тысяч убитых, порядка двадцати тысяч тяжело раненых за одну короткую ночь.

Корабль нагло приземлился возле областного центра, проигнорировав все усилия ПВО, риттарайн расположились, как у себя дома, и начали вести какую-то непонятную деятельность. Президент впал в истерику, армия встала на уши и перешла к активному противодействию. Закончилось оно к утру — бесславно для армии, и только тогда кому-то пришло в голову устроить переговоры. Очень показательно для того правительства. Нынешнее, слава всему, умнее.

Риттарайн оказались незлопамятны, хотя у них погибла треть экипажа. Они быстро поняли, что сами спровоцировали добрую половину конфликта.

— Нас гнали на барьеры, — вдруг говорит Ладимир. — На эти их.. силовые поля. Кто-то посчитал, что после определенной массы мощности не выдержат. И нас гнали бросаться в это дерьмо. Сзади заградотряд, спереди стенка радужная, жгучая...

— Я до сих пор не понимаю, зачем. На что они рассчитывали, — тихо говорю я. Я не понимаю, никто не понимает. Даже Майор говорил, что не может понять, почему действовали так беспощадно к своим.

— Да что там понимать-то? Если бы барьеры прорвали, риттов бы стерли в грязь. А погибших объявили бы героями. Спасли Родину, встали живым щитом, и прочее дерьмо, — зло кривит губы Ладимир. Передние зубы у него явно вставные — слишком белые.

— А танки? Это правда, что барьеры просто отбрасывали танки? — вообще-то, я знаю об этом из первых рук, от самих риттарайн. Но нужно его разговорить.

— Да. Танки просто упирались, и все. А люди горели, но проминали. Вот и рассчитали, сколько нужно человек. Да просчитались. Лучше бы меня пристрелили... чем на барьеры...

— Нет, не лучше, — упираюсь я. — Вот закончат тебя лечить, пройдет немного времени, и ты поймешь, что не лучше.

Разговор перетекает на собак, мы тратим на это час. Я позволяю беседе кружить вокруг незначущих вещей. Нельзя перегибать палку. Сегодня и так сказано было достаточно много. Предел упругости психики подопечного мне неизвестен. Прощаюсь, ухожу, договариваюсь на послезавтра.

Вечером в Штабе всегда многолюдно и весело. Сначала два часа самообороны. Ведет Галик — смешной парень, фигурой напоминающий комод, самбист. Галик хороший тренер и большой хохмач, поэтому занятия проходят под вечное хихиканье. Конечно, он спокойно положит целый взвод таких, как мы. Но иногда поддается, и получается уронить его на маты — это всегда забавно.

Потом — тренинг, неизбежный, как смерть и налоги. Но на этот раз центральной фигурой становится Адя. Наверное, Майор попросил Графиню не мучить меня. Непрошибаемый оптимизм Адьки не по зубам и Графине Дракуле. У коллеги все прекрасно — ее подопечный с радостью идет на контакт, проявляет те и эти признаки благотворного воздействия. Как Графиня ни призывает ее посмотреть на достигнутые результаты критично — Адьке море по колено. Типичный гипертимик.

Следующий день — выходной. Отсыпаюсь, закидываю в стиральную машину накопившееся белье, читаю. «Ролевая психодрама: мастерство и вдохновение» — перечитываю в третий раз. Нет, это мне пока не по зубам. Еще лет десять учиться нужно. Хотя, может быть, стоит попробовать? Нет, не нужно. За подобную самонадеянность по голове не погладят.

Программа — моя жизнь. Три последних года я проводила в Штабе все свободное время. Часть предметов Универа мне зачили по предъявлению справок о прослушанных курсах и сданных зачетах. Здесь меня выучили всему, от языка жестов риттарайн до пулевой стрельбы. Включая такой широкий курс основных предметов, какой в Универе просто дать не могли — Штаб переманил преподавателей со всей страны. И за все это платим не мы, платят нам.

Периодически думаю о Ладимире. Как ему помочь? И чем я могу ему помочь? Все вдруг начинает казаться пустой затеей. По стране около тридцати тысяч таких, как он. И погоды в политике страны они, конечно, не делают. Риттарайн — странное племя, если готовы сотрудничать с нами только при условии успешного выполнения Программы. Конечно, Программа — это не только кампания «Победить ненависть», ориентированная на ветеранов Сковского инцидента. Это работа с детьми из малоимущих семей, подготовка студентов во многих отраслях... уйма всего. Внедрение и изучение технологий, которые предоставляют ритты, дает огромную прибыль. Но у риттов свои представления о правильном, и они выставили требова-

ния, которые поначалу показались фантастическими, впрочем, не менее фантастическими, чем визит существ, смахивающих немного на белок-переростков. Ликвидация того, сего и этого. Внедрение пятого и десятого. Срок — пятьдесят лет. Иначе сотрудничество будет свернуто. Что ж, кто платит — тот и музыку заказывает...

Я не забываю купить хороший чай и симпатичный тортик. Приношу. Парень сегодня сумрачен, подавлен. Чай ему нравится, о чем он вежливо сообщает, торт тоже вкусный — но на этом общение и заканчивается. Он не поднимает глаз от чашки. Я начинаю разговор о том и о сем, но Владимир меня практически игнорирует.

— Что с тобой такое? — спрашиваю я в конце концов.

— Да ерунда, похмелье... Друзья вот заходили...

Разговор не складывается, а сегодня мне отчитываться перед Майором. Он, конечно, прослушает записи. И, наверное, будет очень недоволен.

— Друзья тоже служили? — осторожно задаю я вопрос.

— Да, оба. Посидели, выпили. Поговорили. У них все как-то лучше сложилось. Один еще до армии женился, а пришел без ноги — жена не бросила. Другому вообще повезло, он в зенитных... на основную заваруху только издалека посмотрел.

— А тебя кто-то бросил?

Ладимир долго молчит, теребя тельняшку на груди.

— Да, была у меня девчонка. Ждать обещала, как все. А в больницу раз пришла — и как отрезало. Да и правильно. Что ей с уродом куковать? И цветочка аленького у меня нет.

— А что тебе врачи говорят?

— Да что... ждите, терпите, еще операция, еще... А у тебя-то что такое?

Он про мою физиономию, соображаю я. Надо же, расслабилась и забыла про то, что нужно маскировать злосчастное уродство — позой, жестами, интонацией привлекать внимание ко всему на свете, кроме правой стороны лица.

— Так родилась. А оперироваться страшно. Кожу с бедра берут, там шрам остается, да еще и может не прижиться, у меня что-то такое с иммунитетом...

Парень сочувственно кивает, между нами протягивается еще одна тоненькая ниточка общности. Хорошо, отмечаю я. И хорошо, что он спросил сам. От своего рода товарища по несчастью советы будут приниматься легче. Видимо, Майор просчитал и это, отправляя меня сюда.

Вечером я отчитываюсь перед ним персонально. Уже стемнело, на всем этаже никого не осталось, даже секретаршу Майор отпустил. Он сам делает кофе, умело обращаясь с большой кофеваркой в углу. Руки смуглые, темные, но мы видали его в майке и знаем, что загар покрывает руки только до запястий. Говорим долго, подробно, Майор дает кучу советов. Толковых, дельных. Я запоминаю, сразу же пытаюсь проработать интонацию для одной и другой реплики.

— Не стоит, — говорит он, подмечая, как я ухожу в себя. — Заготовленные заранее слова звучат фальшиво. Ты должна открыться, быть как оголенный нерв — чуткая, живая...

Руки ложатся мне на плечи, разминают мышцы за ключицами, и я понимаю, что такое — «как оголенный нерв». Где-то в желудке вибрирует тепло, словно бабочка трепещет крыльями. За каждое прикосновение я готова отдать год жизни — только бы не убирал пальцы, не останавливался. Доведа меня до полубоморока, он отходит, садится за стол, делает глоток кофе. Понимающе улыбается.

— Вот так, ты поняла. Откликаться на каждую мельчайшую деталь. Открываться.

Сволочь, думаю я, чувствуя, как кровь приливает к щекам, сволочь, сволочь... Видит меня насквозь и умело пользуется этим. В воспитательно-руководящих целях, и никак иначе. Если я постараюсь, и все получится хорошо, он пригласит меня в кафе. Потанцует со мной — знает, как я это люблю. Проводит до дома, чмокнет в щечку на прощание. Адьку, после того как она блестяще справилась с миссией переводчика-синхрониста на переговорах с риттами, он возил на аэродром прыгать с парашютом. Очень невинно. Тонкая игра на нервах. Мне бы научиться так мастерски дергать за ниточки...

— И вот еще что. Попробуй форсировать давление. Если увидишь подходящий момент...

Я не очень понимаю его, а переспрашивать неловко. Давление? Где он увидел давление, которое можно форсировать? Я же выступаю в амплуа «девочки-соседки». На образ «авторитетного врача» из-за возраста не тяну. Это у Майора бы вышло. Я же только болтаю, распиваю чай, смотрю фотографии. Но Майору я доверяю, значит, нужно будет обдумать свои действия и учесть совет.

— Я скажу тебе еще кое-что. Ритты отобрали на свой контроль пять участников Программы. Твой Владимир — один из них. Значит, и ты. Ходи с опаской, Еночка...

Лучше бы я этого не знала. Даже датчик диктофона меня сковывает, заставляет думать о каждом слове, каждом жесте. А учитывая, что записи будут разбирать не только наши, но и ритты... Может быть, сразу заболеть? Уйти из Программы? Повеситься? Да нет, черт побери, разве для этого меня готовили три года? Я еще стажер, да. Но у меня есть такая база знаний, которого нет у сотни профессоров! Меня хорошо выучили...

— Ты молодец, Ена. Умеешь держать удар. Закончи с Владимиром, и я возьму тебя в свою группу. Стрессовая терапия не твой удел, хотя ты работаешь очень прилежно, — чуть морщится Майор. — У меня тебе будет интереснее.

Оказывается, у Майора есть некая своя группа. Занимающаяся чем-то иным. Неожиданно и странно.

— А... а что там нужно делать?

— Это государственная тайна, — хитро улыбается он, и вокруг глаз рассыпаются мелкие морщинки-лучики. — Но скучно не будет.

Четвертый сеанс работы с самого начала идет наперекосяк. У моего допечного похмелье. Он сидит в инвалидном кресле у распахнутого окна, смотрит вниз. Просит принести ему чаю, потом сигарет — я и не знала, что он курит. В комнате — на этот раз мы не сидим в кухне — пахнет перега-

ром, несвежей одеждой, лекарствами. Я предлагаю ему убраться — по углам стоят пивные и водочные бутылки, валяется барахло, постель не заправлена, — но он бурчит нечто недовольное, и я замолкаю.

— Ты лучше ко мне не ходи, — говорит он вдруг, не отрываясь от окна. — Без толку... Оставь меня в покое.

Как быть? Он вправе отказаться от Программы, и заставить его нельзя. Но если он откажется, слишком многое для меня будет потеряно. Да и ритты — кто знает, как они отреагируют. Разумеется, я окажусь крайней. Ведь это у меня подопечный послал всех подальше. Кто виноват? Конечно, психолог...

— Тебе со мной неинтересно? — обиженно спрашиваю я. — Жаль. А мне нравится приходиться к тебе...

— В цирк ходи, — ворчит он. — Там клоуны забавные.

— Клоуны забавные, но я прихожу к тебе. Я хочу тебе помочь.

— Да пошли вы все... помощники. Ты хоть знаешь, кто твою контору организовал?

— Знаю, конечно. Ритты и наши армейцы.

— Дура, — лица мне не видно, но я знаю, что на нем сейчас подобие презрительной усмешки, в той степени, в которой это дано Владимиру с его ожогами. — Не армейцы, а безопасность. Ты мне тут про министра обороны говорила — застрелился, мол. Да нет, помогли ему. Твои хозяева. Удобно было переворот сделать под шумок. И только одного не пойму — что вы нас в покое не оставите... Боитесь, что ли?

— Это неправда, — говорю я, хотя не очень-то верю себе. Действительно, наши военные смахивают на безопасников, об этом мы много говорили с девчонками. — Ты ошибаешься. И даже если бы ты был прав — какая разница, кто и что? Я хочу тебе помочь. Я.

— Да катись ты, — сплевывает он.

— Что случилось? Владимир, что у тебя случилось?

— Друга у меня убили. Интересовался много вашей конторой — вот и убили. Случайно так у машины тормоза отказали. Так что иди-ка ты, — он уточняет, куда, и я удивляюсь такому богатству выражений. Пару слов я еще не слышала ни разу, хотя общий смысл ясен.

— Почему ты так уверен, что убили?

Это моя промашка. Он отъезжает на полметра от окна, и я вижу, что перед ним на подоконнике лежит автомат. Типовой АПСУ, «плевалка», дальность боя — метров пятьсот, выстрелов в минуту — семьсот. Я даже пару раз стреляла из такого. Берет его в руку, наводит на меня. Мне страшно. Двигаться нельзя, и говорить нужно что-то очень правильное, такое, чтобы дошло.

— Не надо. Пожалуйста. У меня мать... — я стараюсь говорить очень, очень мягко и почти ласково. «Не дергаться, не показывать страха, — но и не лезть на рожон, выполнять все требования, стараться выглядеть безопасно», вспоминаю я наизусть вы зубренную инструкцию.

— Да на кой ты мне нужна, — отмахивается он свободной рукой. — Вон, внизу других хватает.

Владимир поднимается — грузный, страшный — неуклюже садится бо-

ком на подоконник. Стреляет — один, два, три, четыре выстрела. Громких. Я цепенею, не могу пошевелиться от ужаса. Двигаться нельзя, заметит движение, и тогда точно выстрелит в меня. А там внизу? Там детская площадка, сейчас — днем — там полно мелкоты и родителей. Скольких он убил? Почему так тихо? И что мне делать?

Программа не оставляет своих без защиты.

«Помните, девочки, вы всегда можете применить защитное средство. Не паникуйте — ключ к спасению всегда с вами...»

Осторожно поднимаю руку, словно хочу стереть с глаз выступившие слезы. Зубами прижимаю кнопку браслета. Крошечная ампула летит в спятившего парня, впивается между лопаток. Снотворное. Сейчас он отключится — секунды полторы, и я свяжусь со Штабом, объясню ситуацию. Конечно, мне влетит по полной. Но... Сколько же пострадавших? Почему снизу не слышны крики?

Ладимир падает, роняет автомат, толкает ногой коляску — она ударяется о сервант, стекло осыпается с удивительно громким звоном.

Меня трясет мелкой дрожью, движение руки словно отняло все силы. Нужно сделать шаг вперед, выглянуть в окно.

Но я подхожу к парню, смотрю ему в лицо. Вдруг еще не заснул? Иногда такое бывает, нас предупреждали. Некоторым нужны две дозы. Где-то одному из ста.

Его лицо посинело, искажено судорогой, но в открытых глазах — удивление. И покой, свободный беспредельный покой, такого у живых не бывает.

Он не дышит.

Ампулы были заряжены не снотворным, а ядом из группы миорелаксантов. Мгновенный паралич дыхания.

Выглядываю в окно, вниз. Там — тишина, идиллия. Во дворе ни одного человека, и ни трупов, ни суеты не видно. Ладимир стрелял холостыми, и, видимо, не в первый раз, если никто не счел нужным хотя бы вызвать милицию.

Отступаю в центр комнаты.

Почему в личном деле не было данных о том, что мой подопечный склонен к подобным срывам?!

Кажется, меня подставили. Кто, зачем? Те самые загадочные противники Программы «в верхах»?

Дверь трещит, выбитая ударом ноги, в комнату влетают трое в масках и пятнистых комбинезонах. Первый, с таким же автоматом, срывает с лица ткань, бросается ко мне. Майор собственной персоной.

Ах да, конечно — датчик диктофона. Видимо, не только диктофона.

Получается, они все знали заранее. Ждали под дверью.

Почему же не вошли раньше?!

— Молодец, девочка, ты все правильно сделала, — Майор пытается меня обнять, но я пячусь к окну от его протянутых рук. Наступаю на руку Ладимира, спотыкаюсь, падаю, ударяюсь спиной о батарею.

Боль отрезвляет.

Это свои, наши, мои — сейчас они быстренько все приведут в порядок.

Раненых доставят в больницу, Ладимира и убитых им — в морг, меня... наверное, в Штаб, в нашу клинику. Побуду пациентом, все будет хорошо. Ситуация вышла из-под контроля, но во всем виноваты психологи Штаба, давшие неверную характеристику и не сумевшие предсказать кризисное развитие... Видимо, этот компонент Программы придется пересмотреть, ритмы должны принять во внимание...

Это не мои мысли, это Майор говорит мне, присев рядом и загородив собой от всего мира. Раненые? Убитые? Он врет, глядя мне в глаза. Он не знает, что я успела выглянуть в окно.

— Зачем вам... понадобилось... срывать Программу? — спрашиваю я, глядя в небесно-голубые глаза Майора. У Ладимира были такие же — но я увидела это, только когда заглянула в глаза покойнику.

Он внимательно смотрит на меня, берет за подбородок, поворачивает мою голову влево и вправо.

— Ты в этом уверена? — ломким каким-то, немного неестественным голосом спрашивает он.

Я киваю.

Это он отправил соплившую девчонку к ветерану, хранившему дома оружие. Это он советовал мне форсировать события. Это он ждал под дверью кровавой развязки.

И дождался — я пульнула в Ладимира ампулой с ядом. А что я еще могла сделать? Я же была уверена, что патроны в магазине автомата — боевые.

Майор пожимает плечами, тянется за автоматом Ладимира. На руках у него тонкие шерстяные перчатки. Черная дырочка ствола смотрит мне в лицо. Движение пальцев на курке. Грохот. Я дергаюсь. Удивленно приподнятые брови, взмах ресниц — Майор вспоминает. Он достает из набедренного кармана новый магазин, вставляет.

— Зачем? — спрашиваю я. За что — я уже знаю, но может быть, хотя бы услышу, зачем ему все это нужно.

Но нет, только в кино злодеи рассказывают жертвам, зачем им понадобилось то или это.

Майор делает три шага назад, наводит на меня ствол.

— Государственная тайна, — улыбается он напоследок.

И стреляет.

Об авторе

Татьяна Апраксина, писательница, переводчик, редактор, родилась в 1977 году. Ныне проживает в подмосковном Лыткарино. Рассказы Апраксиной печатались в журналах «Реальность фантастики», «Химия и жизнь», «Просто фантастика», «Порог», сборниках фантастики. В 2006 году в издательстве АСТ в серии «Звездный лабиринт» вышел фэнтези-роман «Мир не меч».